

Навукова-метадычны часопіс
Выдаецца птамесячна,
з II паўгоддзя 2011 года
Зарэгістраваны ў Міністэрстве
інфармацыі Рэспублікі Беларусь
Пасведчанне ад 25.04.2011 № 1440

Серыя «У дапамогу педагогу»
заснавана ў 1995 годзе

ГІСТОРЫЯ І ГРАМАДАЗНАЎСТВА

№ 8 (14) 2012

Заснавальнік і выдавец —
РУП «Выдавецтва
“Адукацыя і выхаванне”»
Міністэрства адукацыі
Рэспублікі Беларусь

Вул. Будзённага, 21,
220070, г. Мінск;
тэл.: 297-93-20 (адк. сакратар),
297-93-22 (адзел маркетынгу),
факс: 297-91-49
e-mail: aiv@aiv.by,
http://www.aiv.by

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Мікалай Іосіфавіч МІНЦКІ — галоўны рэдактар,
доктар гістарычных навук, прафесар
П. Р. МАРТЫСЮК — першы намеснік галоўнага
рэдактара, доктар філасофскіх навук, дацэнт
Н. М. ГАНУШЧАНКА — намеснік галоўнага рэдактара,
кандыдат гістарычных навук
Л. В. САЛАМАХА — адказны сакратар
Л. В. ЖЭРКА
В. М. БАРАНОВІЧ
С. А. КУДРАЎЦАВА
Л. І. ШЧЭНКАВА

РЭДАКЦЫЙНАЯ РАДА

В. У. ПАЗНЯКОЎ — старшыня рэдакцыйнай рады,
доктар філасофскіх навук, прафесар
Я. М. БАВОСАЎ, доктар філасофскіх навук, прафесар,
акадэмік
С. А. БАЛАШЭНКА, доктар юрыдычных навук, прафесар
В. В. БУШЧЫК, доктар палітычных навук, прафесар
П. А. ВАДАП'ЯНАЎ, доктар філасофскіх навук, прафесар
М. І. ВІШНЕЎСКІ, доктар філасофскіх навук, прафесар
В. В. ДАЊЛОВІЧ, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
М. М. ЗАБАЎСКІ, доктар гістарычных навук, прафесар
А. А. КАВАЛЕНЯ, доктар гістарычных навук, прафесар
В. А. КАПРАНАВА, доктар педагагічных навук,
прафесар
П. С. КАРАКА, доктар філасофскіх навук, прафесар
Г. У. КАРЗЕНКА, доктар гістарычных навук, прафесар
І. В. КАРПЕНКА
Г. А. КОСМАЧ, доктар гістарычных навук, прафесар
У. С. КОШАЛЕЎ, доктар гістарычных навук, прафесар
М. А. МАЖЭЙКА, доктар філасофскіх навук, прафесар
С. В. ПАНОЎ, кандыдат педагагічных навук, дацэнт
С. В. РАШЭТНІКАЎ, доктар палітычных навук, прафесар
С. М. ХОДЗІН, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
І. І. ЦЫРКУН, доктар педагагічных навук, прафесар

1993—2003. — Т. 2: А — Беліцк — Гімн / Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. — 1994. — С. 322—323.

15. *Клепікаў, М. Я.* Віцебская вучоная архіўная камісія і ахова старажытных помнікаў даўніны / М. Я. Клепікаў // Беларус. гістар. часоп. — 2002. — № 4. — С. 37—39.

16. *Матюшенский, А.* Униатское и православное духовенство Полоцкой епархии в войну 1812 года / А. Матюшенский. — Витебск : Губернская типография, 1913. — 22 с.

17. *Мельникова, М.* Каталог архива Витебской учёной архивной комиссии 1911-го года / М. Мельникова. — Витебск : 1912. — 22 с.

18. *Мельникова, М. А.* Материалы для истории Отечественной войны 1812 г., извлечённые из Витебского губернского архива / М. А. Мельникова // Полоцко-Витебская старина. — 1911. — Кн. 1. — С. 1—64.

19. *Николаев, Е. П.* Памяти героев Отечественной войны, участников сражений под Витебском 13, 14, 15 июля и 26 октября 1812 г. / Е. П. Николаев // Полоцко-Витебская старина. — 1912. — Вып. 2. — С. 337—349.

20. Праект аховы помнікаў 1812 г. М. М. Багародскага // НГАБ. — Ф. 2771. — Воп. 1. — Спр. 165. — Арк. 57—58.

21. *Сахаров, С. П.* Витебские торжества 26—27 октября 1911 г. / С. П. Сахаров. — Витебск : Губернская типография, 1911. — 29 с.

22. *Хрептович-Бутенев, К. А.* Записки маркиза Пасторе о 1812 г. / К. А. Хрептович-Бутенев // Полоцко-Витебская старина. — 1916. — Вып. 3. — С. 181—214.

23. *Хрептович-Бутенев, К. А.* О пребывании в плену в Витебске в 1812 и 1813 годах иностранцев-офицеров наполеоновской армии: извлечено из записок графа Карла фон Ведель / К. А. Хрептович-Бутенев // Полоцко-Витебская старина. — 1916. — Вып. 3. — С. 215—239.

24. *Шумейко, М. Ф.* Значение Витебской учёной архивной комиссии в развитии архивного дела, археографии, археологии, краеведения в Витебской губернии в начале XX в. (к 100-летию создания) / М. Ф. Шумейко // Беларускі археаграфічны штогоднік. — 2009. — Вып. 10. — С. 77—91.

Эвакуация ценностей московских храмов в 1812 году

(по материалам переписки представителей светской и духовной власти)

И. А. Груцо, доцент кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ имени Максима Танка

К числу одной из малоисследованных в отечественной и зарубежной историографии проблем военной кампании 1812 г. относится судьба так называемых московских трофеев Наполеона. Её научное решение невозможно без выяснения обстоятельств, при которых проходила эвакуация московских храмов накануне вступления в город передовых частей Великой армии.

В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) хранится дело под названием «О принятии дел по

сбережению церковного имущества в Москве» [1]. Оно содержит подборку писем епископа Дмитровского Московского викария Августина на имя «сиятельного князя Александра Николаевича» (Голицына) с информацией о порядке эвакуации христианских святынь и исторических реликвий из храмов и монастырей при оставлении Москвы русскими войсками.

Первое письмо, датированное 23 сентября 1812 г., раскрывает подоплёку возникновения переписки. Её инициатором выступает

князь Голицын, т. е. представитель светской власти, который ещё 26 августа «изволил требовать» от Августина уведомления о том, «какие меры приняты в Москве в рассуждении сокровищ духовных», а также интересовался, обращался ли он по этому поводу к графу Фёдору Васильевичу (московский губернатор Ф. В. Ростопчин. — И. Г.). Августин получил это послание только 1 сентября [1, л. 1]. Следует отметить, что Августин — представитель власти духовной — в данном случае выступает как лицо, подчинённое представителю власти светской, поскольку держит перед ним отчёт, тем самым признавая справедливость и законность предъявляемых требований. Такая особенность их взаимоотношений может объясняться только тем, что упомянутые «сокровища духовные» одновременно были национальными реликвиями, доверенными государством на сохранение Церкви. Забота об их сбережении является одной из его функций, исполнение которой ввиду возникшей угрозы вступления в Москву наполеоновских войск выступает первоочередной задачей.

Августин воспринял требование князя Голицына как руководство к действию и «в дальнейшем во всём следовал совету графа». В итоге «драгоценности, в ризницах находившиеся, собраны и отправлены в город Вологду, а серебряные утвари, которые в церквах всегда открыты были, народу оставлены». Под формулировку «серебряные утвари» попадают использовавшиеся при богослужении предметы, а также иконы с окладами из позолоченного серебра, украшенные драгоценными камнями. В их числе находились и вклады представителей царствующей династии, которые обычно приурочивались к знаменательным датам и событиям в истории Российского государства, что придавало им статус исторических реликвий. Таким образом, Августин, который отвечал за хранившиеся в московских церквах христианские святыни и исторические реликвии, признаёт в своём письме факт их неполной эвакуации. Главной причиной тому, по его мнению, явилось высказанное со стороны графа Ростопчина опасение, как бы «обображением оных не зделать смущение и безпокойство в народе» [1, л. 1 об].

Данное свидетельство Августина позволяет утверждать, что в основе понятия «московские трофеи Наполеона» лежит не миф или домысел, а исторический факт. Его возникновение обусловлено конкретными действиями реальных исторических персонажей, облечённых полномочиями и несших ответственность за эвакуацию из Москвы ценностей государственного масштаба. В изложении Августина, ответственность за их оставление в соборах Московского Кремля целиком и полностью лежит на московском губернаторе.

Несмотря на предписание графа Ростопчина Августину «отправиться немедленно» из Москвы, тот смог покинуть город только 2 сентября, когда «неприятель занял столицу» [1, л. 2, 3]. Задержка была вызвана тем, что Августин вынужден был оставаться в городе до тех пор, пока не получил указаний, как поступить с главными иконами Успенского собора Московского Кремля. Указание по этому поводу последовало от графа Ростопчина только 1 сентября и делал он его «именем Государя!».

Означает ли такая формулировка, что указание исходило непосредственно от императора Александра I, а Ростопчин выступил только в роли посредника, передав его Августину? Если да, то тем самым доказательно подтверждается высказанное ранее предположение о значимости в масштабах государства «духовных сокровищ», хранившихся в соборах Московского Кремля. Если нет, то Ростопчин, признавая, в первую очередь, их государственную значимость, посчитал возможным вести речь от имени государя. Как бы там ни было, и в том и в другом случаях судьба ценностей московских соборов, в том числе Московского Кремля, связана с именем императора Александра I, что свидетельствует об их огромном государственном значении. В свою очередь, оно могло быть обусловлено только тем, что эти ценности соответствовали статусу национальных реликвий.

Августин, исполняя монаршую волю, должен был вывезти из Москвы во Владимир иконы «Владимирскую, Иверскую и Смоленскую Богоматерей». Ростопчин предложил и конкретный план их спасения.

В соответствии с ним иконы следовало вынести из собора под предлогом, «что им хочет молиться войско», причём обязательно «ночью», так как именно тогда «народ сего не приметит» [1, л. 3]. Предложенный Ф. В. Ростопчиным план как нельзя лучше характеризует взаимоотношения «власть — народ» в канун сдачи Москвы. Власть не доверяет народу и старается держать его в неведении об истинном положении дел на театре военных действий до последней минуты. Как следствие, только три из главных икон православного христианства и то благодаря обману удалось эвакуировать, остальные реликвии из внутреннего убранства московских храмов были сознательно оставлены на милость неприятеля ради сохранения спокойствия среди горожан.

В следующем письме (не датированном) Августин даёт князю Александру Николаевичу (Голицыну) более подробные разъяснения об обстоятельствах эвакуации «ризничных драгоценностей». Интересны побудительные мотивы, которыми он при этом руководствовался. Дело в том, что первоначально им было составлено два отчёта о том, как проходила эвакуация московских храмов. Первый, более подробный, он отправил в Святейший синод, а второй, сокращённый, князю. Узнав, что тот на его основе сделал доклад императору Александру I, Августин посчитал необходимым тут же предоставить дополнительную информацию, объясняющую причины оставления неприятелю значительных ценностей, доверенных на сохранение Церкви. Только упоминание о том, что император лично занимается выяснением этих причин, подтолкнуло Августина сделать «подробнейшее о всём донесение».

Письмо начинается с изложения обстоятельств, «которые предшествовали плачевной минуте, в которую принужден был оставить несчастную столицу» [1, л. 5]. Эти обстоятельства явились, по мнению Августина, следствием недалёковидной политики, проводимой военными и гражданскими властями. Так, московский губернатор Ф. В. Ростопчин «печатными афишками непрестанно уверял жителей Москвы, что она безопасна и никогда не может достаться в руки злодею». Более того, «князь Кутузов клялся

в том сединами своими, а граф головою». Несмотря на их заверения, Августин «лично сносился с графом Ростопчиным и представлял ему, чтоб во всех церквах и монастырях, обобрав серебряные утвари и другие драгоценности, отправить из Москвы, куда заблагорассудят». Однако его предложение не получило поддержки, поскольку «граф не мог на сие согласиться, сказав, что церковное серебро, ежели попадёт в руки неприятелю, не может зделать значительного для России убытка; а между тем обобрание церковных утварей может произвести в народе волнение и опасное смятение; а паче когда Москва угрожаема и потрясаема была приближением неприятеля» [1, л. 5об].

В приведённом отрывке вновь прослеживается стремление Августина переложить ответственность за оставление в церквах и монастырях значительных ценностей на Ф. В. Ростопчина. Примечательно, что он не пытается при этом вникнуть в суть мотивов, которыми тот руководствовался. Если Августин отвечал только за церковное имущество и заботился преимущественно о нём, то Ф. В. Ростопчин в силу своих должностных обязанностей отвечал в первую очередь за сохранение и поддержание порядка во всём городе. В связи с приближением неприятеля эти вопросы приобретали чрезвычайную важность, поскольку Москва превратилась накануне решающей битвы при Бородино в близкий тыл русской армии. В таких обстоятельствах Ф. В. Ростопчин, безусловно, не мог пойти навстречу просьбе Августина о начале эвакуации ценностей московских храмов и монастырей, особенно в том случае, если она могла вызвать народные волнения и тем самым оказать негативное воздействие на исход предстоящего сражения.

Единственное предложение, на которое, по свидетельству Августина, «охотно согласился губернатор и «даже советовал» его осуществить как можно скорее, — это подготовка к эвакуации Патриаршей ризницы, в которой хранились основные сокровища Русской Православной Церкви. Он «обещал дать для того лошадей, но не приказал ничего убирать, что всегда открыто народу» [1, л. 5об]. Позиция

Ф. В. Ростопчина изложена предельно ясно — эвакуации подлежат только те реликвии, которые находятся в церковных кладовых и вывоз которых можно осуществить без публичной огласки. Внутреннее же убранство церквей должно оставаться неприкосновенно, чтобы поддерживать среди горожан уверенность в том, что власть контролирует ситуацию и не собирается сдавать город неприятелю. Таким образом наряду с распространением «афишек» сохранение внутреннего убранства церквей выступает как часть плана Ф. В. Ростопчина по обеспечению порядка в Москве, ставшей ближним тылом русской армии.

Уяснив существующее положение дел, Августин вынужден был оставить планы по вывозу внутреннего убранства московских храмов и сосредоточить все усилия на подготовке к эвакуации Патриаршей ризницы. По его поручению она была упакована в ящики вместе с библиотекой и сундуком, в который поместили серебряные кувшины со «святой миррой». Саккелариям Успенского, Благовещенского и Архангельского соборов Московского Кремля Августином было «приказано собрать все хранящиеся в ризницах драгоценности и приготовить к отвозу из Москвы». Такие же распоряжения были сделаны им и в отношении остальных церквей и монастырей, в которых хранились «драгоценности, состоящие в золоте, камнях и жемчуге» [1, л. 6].

Таким образом, поскольку драгоценные реликвии из ризниц трёх главных соборов Московского Кремля были эвакуированы, основу московских трофеев Наполеона могли составить только предметы их внутреннего убранства, к числу которых относились и разнообразные реликвии, такие как вклады русских царей, мощи святых и особо почитаемые иконы.

Сроки, отведённые на эвакуацию Патриаршей ризницы и сокровищ остальных московских церквей и монастырей, были сжатые. Только 30 августа пришло письмо от Ф. В. Ростопчина с распоряжением отправить Патриаршую ризницу в Вологду. На его основании Августин тут же обращается к московскому гражданскому губернатору Н. В. Обрескову и на следующий день 31

августа наконец-то получает лошадей. 1 сентября «огромный обоз выехал из Москвы до разсвета» [1, л. 6].

В воскресенье, 1 сентября, Августин проводит службу в Успенском соборе, на которой, по его словам, «народу было мало, и то одна чернь». Несмотря на то что «Москва была уже град военный», он «ещё не думал оставить её» по той причине, что ожидал, «когда будет назначен день, в который со святыми иконами и с народом пойдём мы к армии своей». О том, что такой день настанет, Августину обещал граф Ф. В. Ростопчин [1, л. 6 об.]. Вот ещё одна, в изложении Августина, уважительная причина, воспрепятствовавшая своевременной эвакуации реликвий из главных храмов Московского Кремля. В данном случае он выступает в роли человека, стремившегося до последней минуты исполнить свой профессиональный и патриотический долг в соответствии с планом, разработанным московским губернатором. Но этот план не был осуществлён, поскольку по приказу Ф. В. Ростопчина Августин «в полночь на второе число должен был не медля оставить Москву». Следовательно, именно московский губернатор несёт всю ответственность за оставление неприятелю фактически в первоизданном виде внутреннего убранства, как минимум, Успенского собора Московского Кремля, в котором ещё 1 сентября Августин проводил воскресную службу.

Покидая город, он распорядился «кому следовало» на тот случай, «ежели злодей вступит в Москву», святыне мощи из Успенского и Архангельского соборов «вынуть из раков и положить в гробницы, находящиеся над гробами патриархов». В Архангельский собор следовало перенести и мощи Святителя Алексия из Чудова монастыря. Далее Августин объясняет, почему нельзя было вывезти или спрятать эти святыне мощи заранее. Дело в том, что им была предпринята такая попытка в отношении мощей Преподобного Саввы, находившихся в Саввином монастыре. Но «народ, узнав о том, пришёл в ужасное отчаяние и волнение», поэтому Августину пришлось отменить своё распоряжение и вернуть святыне мощи в монастырь.

Представляется, что именно в связи с этими событиями, о которых Августин поведал в самом конце своего доклада, следует искать объяснение столь непримиримой, твёрдой и последовательной позиции московского губернатора Ф. В. Ростопчина в отношении эвакуации хранившихся в московских храмах ценностей и реликвий. Он исходил из конкретного прецедента — народного возмущения, причиной которого стала предпринятая по инициативе Августина попытка вывоза из Саввина монастыря мощей Преподобного Саввы. Повторения таких возмущений, грозивших перерасти в волнения и выступления против власти, Ф. В. Ростопчин допустить не мог. Пресекая слухи о возможном оставлении Москвы, он распространяет среди горожан листовки с призывом встать на её защиту и поддержать войска молебнами, в том числе и перед чудотворными иконами соборов Московского Кремля.

Таким образом, попыткой без согласования с официальными властями проявить заботу о сохранении ценностей и реликвий в подведомственных ему церквях и монастырях Августин дал повод к народному возмущению и тем самым вынудил московского губернатора Ф. В. Ростопчина

на категорический запрет повторения в дальнейшем таких попыток. Его следствием в условиях стремительно развивавшихся событий на театре военных действий стало оставление неприятелю в перевозданном виде внутреннего убранства главных соборов Московского Кремля. Сам Августин признал, что «мощей святых убрать не успели, потому что так скоро не ожидали неприятеля. Едва кончили вечерню в Успенском соборе, французы вступили в Кремль» [1, л. 6 об.].

Окончательный итог эвакуации, которая не была должным образом подготовлена и проводилась в чрезвычайно сложных условиях, подвёл сам Ф. В. Ростопчин уже после освобождения Москвы. 8 ноября во время беседы с Августином он заявил, что «неприятель застал в Москве много как жителей невышедших, так и сокровищ невывезенных» [1, л. 18]. Среди них находились и национальные реликвии Российской империи, которые впоследствии составили основу московских трофеев Наполеона.

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 797. — Оп. 1. — Д. 4462.

